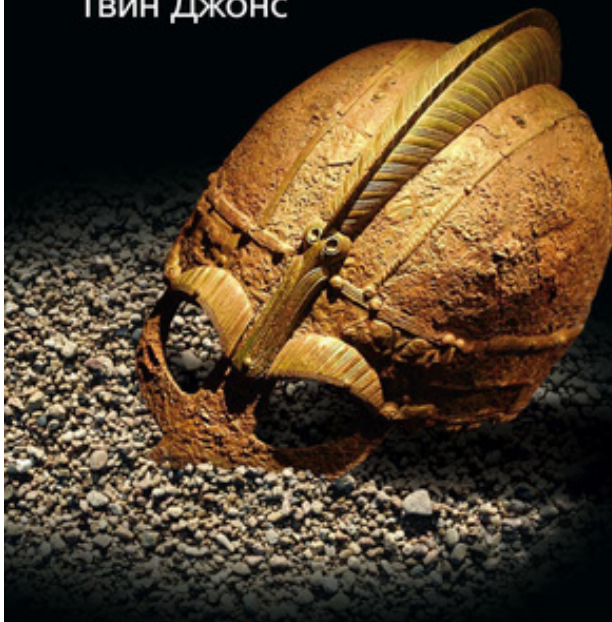
НОРМАННЫ

Гвин Джонс



Покорители
Северной Атлантики

загадки
древних
народов

Гвин Джонс
Норманны. Покорители Северной Атлантики

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607865
Норманны. Покорители Северной Атлантики / Пер. с англ. Н.Б. Лебедевой.: Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4637-3

Аннотация

Книга Гвина Джонса посвящена открытию и заселению Северо-Западной Атлантики. Норманны были непревзойденными мореходами и опередили в кораблестроении другие народы Европы на целых три столетия. Вы познакомитесь с их героическими деяниями, династическими распрями и необыкновенной страстью к покорению неведомых земель. Отчеты о находках археологов, отрывки из средневековых летописей и исландские саги органично сплетены автором в единый узор увлекательного повествования.

Содержание

Предисловие 4
Часть первая 9
Глава 1 9
До прибытия норманнов 9
Норманнские открытия и первое поселение 23
Становление Исландской Республики 33
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Гвин Джонс
Норманны. Покорители Северной Атлантики

Предисловие

Эта книга рассказывает о путешествиях древних норманнских мореплавателей далеко на запад от материковой Скандинавии, через северную часть Атлантического океана, к новым, пригодным для обитания землям. Она повествует об открытии и изучении территорий Исландии, Гренландии и восточного побережья Северной Америки, а также о попытках заселения этих земель. Это история больших надежд и высоких устремлений.

В Исландии норманны проявили безграничную выдержку и стойкость, не оставшуюся без вознаграждения; в Гренландии – решимость после целой полосы неудач; а в Северной Америке предприняли рискованное вторжение, а затем вынуждены были отступить. Во всех трех странах норманны балансировали фактически на грани выживания. В двух случаях их попытка закрепиться на новой территории окончилась неудачей. И все же нам следует осторожнее употреблять слово «неудача». Путешествия в Винланд продемонстриро-

вали то, что мы сейчас считаем само собой разумеющимся: пара сотен европейцев, располагая самым скудным снаряжением и оружием, мало в чем превосходящим оружие аборигенов, не могла покорить в начале XI столетия огромный континент. И все же они достигли его и позднее продолжали посещать эти земли (пусть и нерегулярно) в течение многих столетий. Это, без сомнения, свидетельствует об огромном потенциале и отваге норманнов. Да и заселение исландцами юго-западного побережья Гренландии и проживание их здесь в течение пяти столетий, пока последние жители колонии не погибли самым таинственным образом, можно счесть неудачей лишь в том смысле, в каком неудачей является путешествие Скотта к Южному полюсу, стоившее ему стольких человеческих жизней. Что же касается Исландии, то, принимая во внимание ее ярко выраженную материальную культуру и самобытную литературу, мы можем говорить о несомненном успехе, оправдавшем все труды и старания первых колонизаторов.

Все путешествия норманнов на запад и заселение ими новых земель описаны в специальных трудах, которые посвящены либо стране в целом, либо некоторым отдельным аспектам ее истории. Исландия, Гренландия и Винланд могут фигурировать в качестве отдельных глав или параграфов в повествовании, охватывающем эпоху викингов в целом. Новейшие научные открытия и переводы наиболее важных средневековых документов являются главным источником

наших знаний по проблеме открытия и заселения норманнами территорий в северозападной части Атлантики. Археология, история, география и другие соподчиненные им науки помогают нам полнее воссоздать общую картину событий.

Данная книга появилась в результате значительно возросшего интереса к эпохе викингов и к их героическим деяниям. В результате появились такие англоязычные работы, как «Викинги» Иоанна Брендстеда, «Викинги» Хольгера Арбмена и «Эпоха викингов» П.Х. Сойера. Интерес ученых и общественности в целом к атлантическим путешествиям и колонизации новых земель был вызван прежде всего тремя событиями: во-первых, путешествием к Винланду в 1956 году Йоргена Мельдгарда и исследовательскими работами Хельге Ингстада, который занимался поиском норманнских стоянок на Ньюфаундленде и Лабрадоре. Точная протяженность и продолжительность путешествий викингов на юг, к Винланду, еще долго будет оставаться объектом загадок и предположений, но уже сейчас становится очевидным, что именно северная часть Ньюфаундленда называлась в норманнской географической традиции Винландский мыс.

Вторым событием, вызвавшим интерес у широкой общественности к путешествиям норманнов, стало открытие церкви Тьодхильд неподалеку от фермы Эйрика Рыжего в Браттахлиде (Гренландия) осенью 1961 года, а также ее частичные раскопки летом 1962 года. Нет нужды подчеркивать то значение, которое имеет для археологов и историков

обнаружение христианской церкви далеко на западе от исландских берегов. Эта находка стала важным подтверждением той информации, которая содержится в одной из частей «Сказания об Эйрике Рыжем», а также гренландско-винландской традиции в целом.

Третьим событием, напомнившим нам о походах викингов, стал подъем в 1962 году из вод фьорда Роскильда в Дании пяти норманнских кораблей, чьи черные, пропитанные водой шпангоуты стали для нас первым наглядным образцом различных видов *кнеррир,* своего рода океанских кораблей, доставлявших норманнских мореходов к знакомым и незнакомым берегам островных земель Севера.

Благодаря любезности датских ученых я смог лично осмотреть развалины церкви Тьодхильд и поднятые со дна моря корабли. Что касается области, известной как Винландский мыс, то о ней я много и плодотворно беседовал с Йоргеном Мельдгардом из Национального музея Дании, а также с исландцами Кристианом Эльдьярном и Торхаллуром Вильмундарсоном, которые участвовали в раскопках, проводившихся Хельге Ингстадом в 1962 году в районе Священного залива острова Ньюфаундленд.

При изложении фактов и переводе документов я пользовался ставшими уже привычными англизированными формами топонимов и имен: Гудбранд, Торхалл, Рейкьявик. При обращении к более поздним эпохам я использовал современные формы: Гудбрандур, Торхаллур… Разумеется, последо-

вательность в употреблении терминологии – вещь сама по себе замечательная, но малодостижимая для всех, за исключением специалистов, которые в любом случае будут обращаться за информацией к оригинальным текстам. Что же касается переводов, то я искренне надеюсь, что они не только донесут до читателя суть вопроса, но и пробудят в нем живейший интерес к тем произведениям, которые я попытался перевести.

В заключение не могу не выразить своей признательности тем, кто так или иначе помог мне в работе над этой книгой, – своим гостеприимством, предоставлением мне опубликованной и неопубликованной информации, а также денежных сумм, необходимых для проведения ряда исследований. Я выражаю мою благодарность таким учреждениям, как Уэльский университет, направивший меня в научную командировку в Исландию в 1961 году; Национальному музею Дании и его директору. И наконец, самую большую благодарность я обращаю к моей жене Элис – за ее поддержку, мудрые советы и практическую помощь во время работы над этой книгой.

Теин Джонс

Часть первая
История

Глава 1
Исландия

До прибытия норманнов

Мы не знаем, кто первым увидел берега Исландии и что занесло его в эти края – желание расширить торговые горизонты, божественное вдохновение или же просто мощный ураган… Но он был храбрым человеком, а может быть, просто невезучим, и произошло это знаменательное событие несчетное количество лет назад.

Норманны впервые совершили плавание вокруг острова в 860 году (как известно из летописей). Лодки ирландских отшельников достигли его юго-восточного побережья в конце VIII столетия. Но вполне возможно, что история Исландии начинается задолго до этого времени. За последние тридцать лет мы узнали, что жажда познания заставляла древних мореходов пускаться в такие путешествия, которые показались бы совершенно немыслимыми историкам XIX столетия. И

это утверждение справедливо как для Северного полушария, так и для Южного – для Атлантического и Тихого океанов. За 2500 лет до нашей эры, а может быть, и еще раньше, именно море было главным связующим звеном между людьми, так что, например, погребальный ритуал людей эпохи мегалита, проживавших на территории Испании, Португалии и Франции, распространился по морю на западные острова и полуострова, а оттуда – на север через Ирландское море и Пентландский залив. С тех пор западные морские пути нередко посещались различными кораблями. Жажда выгоды или политика неизменно влекли людей по однажды проторенным маршрутам, как то было с финикийцами, плававшими в Африку, и бристольскими купцами, которые вели в XV веке незаконную торговлю с Гренландией. Сведения об этих странах и ведущих к ним путях не выветрились из людской памяти. Кто-то знал, а кто-то предполагал, что где-то далеко в океанских просторах лежит обетованная земля, страна Вечной Молодости, желанное пристанище, место, богатое промысловой рыбой. Поэтому нет ничего невозможного в том, что греческий астроном, математик и географ Пифей приобрел во время своего пребывания в Британии немало сведений о мифической стране под названием Туле.

К сожалению, до нас не дошли сочинения самого Пифея, в которых тот рассказал о своем путешествии к Британским островам и дальше на север (330–300 гг. до н. э.). Взамен этого мы должны довольствоваться отрывками сведений, неред-

ко противоречащих друг другу. Эта информация поступила к нам от всевозможных посредников, которые, в свою очередь, черпали сведения у поздних греческих географов. Именно таким невероятным путем до нас впервые дошло название Туле. Не стоит, однако, думать, что под Туле Пифей имел в виду страну, ныне известную как Исландия. Туле находился в 6 милях плавания к северу от Британии (Страбон и Плиний), а проплыв еще один день на север, можно было встретить замерзший океан (Плиний). Во время летнего солнцестояния солнце там можно было видеть в течение всех суток (Клеомед), а если и наступала ночь, то очень короткая: в одних местах она длилась два часа, в других – три (Гемин). Все это, безусловно, характерно для Исландии. Но Пифей говорит о Туле как о стране, населенной варварами, и сообщает о них весьма достоверные сведения. Так, по словам Пифея, у варваров очень мало домашних животных, а питаются они в основном просом, кореньями, а также небольшим количеством фруктов. Те, у кого есть зерно и мед, делают из них напиток. После того как зерно сжато, его складывают в большие крытые помещения и там молотят, поскольку холодный климат и обильные дожди не позволяют этого делать на открытом воздухе. Современным археологам ничего неизвестно о подобных поселениях в Исландии, да и то немногое, что мы знаем о похолодании в Северном полушарии во времена Пифея, делает сближение мифической Туле с Исландией еще менее вероятной. Гораздо больше основа-

ний считать таким «крайним севером» западное побережье Норвегии. Не исключена также вероятность того, что это были Шетландские или даже Оркнейские острова. Если верить Страбону, Пифей утверждал, что в этих широтах земля, море и воздух состоят не из различных элементов, но вследствие замерзания являют собою некое смешение всех трех материй, из-за чего по морю невозможно плавать на кораблях. Это Пифей видел собственными глазами. Но что именно он видел – густой туман и рыхлый губчатый лед (так называемую шугу) или же просто некоторый фантом, порожденный воздействием на человеческое воображение сумеречного субарктического дня, – этого нам не дано знать. На этом наши сведения о стране Туле обрываются, и Исландия так и не входит в исторические летописи того времени.

Но если не финикийцы и не греки, то, возможно, римляне достигли первыми берегов Исландии. Наиболее вероятным периодом для подобных открытий был период контроля Каравзия над Британией – либо как наместника Нижних земель, либо как властителя Британии (около 286–293 гг. н. э.). Но мы не располагаем никакими литературными свидетельствами относительно такого открытия, а археологические находки слишком скудны и недостоверны: всего лишь три римские медные монеты периода 270–305 годов н. э. (эти даты охватывают период правления императоров, изображенных на монетах). Две из них были найдены у Брагдарвеллира в Хамарсфьорде, а еще одна – в округе Гвальнес

в Лоне (все три – в юго-восточном углу острова). И именно эта область являлась наиболее вероятной пристанью для приплывавших с юга кораблей. Но вряд ли мы можем утверждать, что столь мелкие монеты (к тому же в таком ничтожном количестве) были привезены в Исландию своими первоначальными владельцами – будь то римляне или шотландцы. Скорее всего, их завезли на остров норманны, прихватившие их где-то за границей: либо как часть добычи, либо как сувенир на память или же по какой-либо иной, столь же достоверной причине. Во всяком случае, если какой-либо римский корабль и заплывал так далеко на север – намеренно или волей случая, – не существует никаких свидетельств о его возвращении, и эти три монеты – единственная память о таком путешествии и (если мы взвесим опасности океана и суровость исландского климата) о команде этого корабля.

Тем временем многочисленные корабли продолжали бороздить морские пути на западе. На смену людям эпохи мегалита пришли кельтские завоеватели бронзового века, путешествовавшие как по морю, так и по суше. В течение следующего тысячелетия существовал непрерывный торговый и культурный обмен между континентами и островами западной Британии, пока, наконец, в начале эпохи раннего христианства миссионерский пыл кельтских святых не соединил в единое культурное целое Ирландию и Британию, Корнуолл, Уэльс и Стратклайд. В V и VI веках н. э. лишь благодаря этим западным путям народы Британии и Ирландии могли под-

держивать связь с остатками римской цивилизации в Галлии и Западном Средиземноморье. Мореходство процветало во все века, так что когда ирландские святые и пилигримы начали подыскивать еще более уединенные и удаленные острова, то в их распоряжении оказались превосходно снаряженные корабли и практически неисчерпаемый опыт морских путешествий. Лодки ирландцев были сделаны из дерева, которое обтягивалось шкурами *(кориа)*. Среди них были и совсем маленькие, сооруженные из двух с половиной шкур. Именно на подобной лодке три ирландских пилигрима прибыли в 891 году в Англию с визитом к королю Альфреду. Другие суда были гораздо больших размеров, так что на каждом могло уместиться по меньшей мере два десятка человек с личным имуществом и провизией. На таких кораблях ирландцы из монастырей Арана, Бангора, Клонферта и Клонмэкнойса на веслах и под парусами доплывали до британского побережья, а оттуда направляли свои суда в Северную Атлантику. Между Шотландией и Оркнейскими островами лежит узкий пролив, который нередко посещают штормовые ветры и ураганы. Все эти опасности нимало не смущали ирландских мореплавателей, хотя порой бурное море разбивало их корабли в щепки. От Оркнейских островов до Шетландских им надо было проплыть 50 миль и еще 200 миль – от Шетландских до Фарерских островов. Отсюда до Исландии оставалось еще около 240 миль, тогда как по прямой – от мыса Малин на севере Ирландии – им пришлось бы преодолеть не

менее 600 миль. И все же дальнейшее проникновение на север было неизбежным, особенно если учесть известный эффект северной *фата морганы,* легко сокращающей то расстояние, на котором обнадеженному путешественнику становится видна земля. Не так-то легко бывает отделить истину от вымысла в жизнеописаниях кельтских святых, тем более если эти святые – ирландцы. И это не может не вызывать у нас сожаления, поскольку в их «Имраме» (историях путешествий) встречаются описания, по-видимому отражающие опыт пребывания в северных широтах, – как, например, киты, выпускающие фонтаны воды, и извержения вулканов. Никакие испытания не были чрезмерны для тех, кто искал уединенного пристанища, хотя тем, кто в конце концов нашел его – в пещерах и хижинах отдаленных островов, – оставались лишь молитва, одиночество и суровая аскеза.

> Неумолчный вопль, возносящийся к облачным небесам,
> Искренняя и благочестивая исповедь, потоки истовых слез.
> Холодная и жесткая постель, подобная ложу осужденного,
> Краткий тревожный сон и горькие рыдания до рассвета…
> Один в своей маленькой хижине, совершенно один,
> Сам я пришел в этот мир и сам уйду из него.

Другие стихи звучат более оптимистично – как, например, строки из анонимной поэмы XII столетия, найденной в хи-

жине отшельника на острове Святого Колумбы:

> Как радостно мне находиться в глубине острова,
> С вершины скалы мне виден безбрежный моря простор.
> Там я могу наблюдать пестрые стаи птиц
> Над океаном и видеть могучих китов – величайшее
> из чудес.
> Я могу наблюдать за сменой его приливов и отливов;
> И теперь меня могли бы называть «человек, навсегда
> покинувший Ирландию».

Для большинства этих преданных Богу людей «путешествовать во имя Христа» означало невозможность возвращения домой. Во имя Господа они принимали голодную или насильственную смерть, а также все опасности, подстерегающие их на земле и на море. Быть паломником означало полное и безоговорочное самоотречение[1].

Наиболее известная из ирландских «Имрама» и ближе всего связанная с историей Исландии – это легенда, повествующая о путешествиях Святого Брендана.

Однажды святой и его спутники во время плавания по морю увидели к северу от себя высокую гору, вершина которой

---

[1] В Ирландии раннего Средневековья «под «паломником» (up. deorad) подразумевали отнюдь не того человека, который совершал паломничество к святыням, а затем возвращался домой, а того, кто покидал свой дом, чтобы провести затем долгие годы или даже остаток жизни в чужих странах». *Baanmartre* – это те, кто «обитает в пустынях и по собственному желанию устраивает себе жилище в темных местах в ожидании небесного пристанища».

была окутана клубами дыма. Когда же их корабль поднесло еще ближе к острову, они обнаружили берег столь высокий и крутой, что едва смогли разглядеть его верхний край. И эта похожая на стену скала пылала, как угли. На берегу они, по воле обитавших здесь духов зла, потеряли одного из своих товарищей. Когда же наконец, благодаря божественному соизволению, они смогли отплыть прочь, то, оглянувшись назад, увидели, что гора теперь была свободна от дыма – она то выплевывала пламя к небесам, то втягивала его назад, и вся поверхность горы от вершины до самого моря была подобна пылающей стене огня. Все это описание напоминает извержение вулкана возле южного побережья гористого острова.

Но и в Средиземноморье было немало своих вулканов, описания которых нередко встречаются в классической литературе, так что мы все-таки не можем быть до конца уверены в подлинности описанного в «Имраме». По сути, для того, чтобы быть полностью уверенными в том, что ирландские монахи не только знали об Исландии, но и жили там за шестьдесят – семьдесят лет до прихода норманнов, нам следует обратиться не к чудесным историям об ирландских святых, и даже не к свидетельству Беды[2] (текст которого сильно напоминает историю Пифея), повествующего о том, что в шести днях плавания к северу от Британии находится остров под названием Туле, где в течение нескольких летних дней

[2] В сочинении Беды Достопочтенного *De Ratione Temporum: In Libros Regum Quaestionum xxx liber*.

солнце не опускается за горизонт. Прежде всего нам стоило бы обратить внимание на трезвое свидетельство ирландского монаха Дикуила, написавшего в 825 году н. э. *Liber de Mensura Orbis Terrae.* В этой книге он излагает информацию об островах, лежащих к северу от Британии, которую ему сообщили священники, опиравшиеся отнюдь не на слухи, а на точные и непосредственные знания.

«Вокруг нашего острова Ирландия [говорит Дикуил] лежит множество островов; одни из них – маленькие, другие – совсем крошечные. Напротив побережья Британии также находятся многочисленные острова: есть среди них большие, есть маленькие, а есть и средние. Часть островов лежит к югу от Британии, а часть – к западу. Но больше всего островов находится в северном и северо-западном направлении. На одном из таких островов я жил, другие посещал, третьи видел, а о четвертых читал…

Прошло уже тридцать лет с тех пор, как священники *[clerici],* жившие на этом острове [то есть Туле] с первых чисел февраля до начала августа, рассказали мне, что не только во время летнего солнцестояния, но также в течение целого ряда дней до и после него солнце садится по вечерам как бы за небольшой холм, так что полной темноты тогда практически не бывает. Но что бы человек ни пожелал сделать (даже вытрясти вшей из своей рубахи), он легко может выполнить это – совсем как при дневном свете. А если в это время подняться на высокую гору, то солнце так и не скроется из ва-

ших глаз…

Ошибаются те, кто пишет, что море вокруг острова скован льдом и что от весеннего до осеннего равноденствия там один нескончаемый день, и наоборот – постоянная ночь от осеннего до весеннего равноденствия. Те, кто отправился туда в период сильнейших холодов, без труда доплыли до самого острова и затем жили там, наслаждаясь обычной сменой дня и ночи – за исключением периода летнего солнцестояния. Но проплыв всего один день на север от острова, они обнаружили замерзшее море»[3].

Принимали ли эти священники участие в первом путешествии к острову, как то было во времена Пифея и Плиния? Или же они являлись той частью отшельников, которая искала уединения на Туле, по свидетельству автора *De Ratione Temporum* (если только мы согласимся с мнением, что Туле Беды и Дикуила – это одно и то же место)? Как много их бы-

[3] Дикуил продолжает: «Существует немало других островов в океане к северу от Британии, достичь которых можно через два дня и две ночи, если плыть от самого северного из Британских островов при попутном ветре и под полными парусами. Один святой человек *[presbyter religiosus]* рассказал мне, что за два летних дня и ночь между ними он на маленькой лодке доплыл до одного из таких островов. Некоторые из этих островов очень маленькие, и почти все они отделены друг от друга узкими проливами. Отшельники, приплывшие сюда из нашей Шотландии [Ирландии], жили на этих островах почти сто лет. Но сейчас там из-за норманнских пиратов почти не осталось отшельников, зато полно овец и разных морских животных. Я никогда не встречал упоминания об этих островах в книгах ученых людей».Принято считать, что Дикуил говорит здесь о Фарерских, или Овечьих островах. Некоторые из загадок, связанных с этим интересным описанием, скорее всего, не были загадками для Дикуила.

ло, этих отшельников? И как нам следует отнестись к точной датировке их пребывания на острове с первого дня ирландской весны до первого дня ирландской осени? Но какими бы ни были наши ответы, они вряд ли смогут поколебать уверенность в том, что к концу VIII столетия ирландцы (в том числе ирландские священники) достигли берегов Исландии, где они проводили более теплое время года и наблюдали такое явление, как полуночное солнце. И этого вывода будет вполне достаточно для констатации самого факта существования донорманнского этапа исландской истории.

Теперь нам следует обратиться к исландским и норвежским источникам информации: «Ислендингабок» и «Ланднамабок», равно как и к «Истории Норвегии» Теодрикуса, которые сообщают, что, когда первые норманнские путешественники прибыли в Исландию, там уже проживали ирландские поселенцы – христиане, отвергшие соседство с язычниками и потому покинувшие остров. После них остались ирландские книги (точнее сказать, религиозные книги на латинском языке, написанные при помощи ирландского алфавита), колокола и прочие культовые предметы, по которым были установлены их национальность и характер их веры. Среди ирландских поселенцев были «папар» (единственное число «папи», ирландское «паб(б)а», «поб(б)а – от *лат.* «папа») – монахи и отшельники. Исходя из ряда названий исландских территорий, можно сделать вывод, что поселения этих людей располагались на большей части юго-восточно-

го побережья Исландии – особенно между островами Папей и Папос в Лоне. Гораздо западнее этих мест, за ледяными отрогами Ватнайокула и безжизненными песками Скейдары, в живописной и плодородной области Сиды, в местечке под названием Киркьюбер, находился монастырь ирландских христиан. Столь велика была святость этого места, что никому из язычников не разрешалось селиться там. Первым здесь обосновался Кетиль, прозванный соплеменниками Безумным за то, что он был христианином. Кетиль был норманном с Гебридских островов и внуком великого Кетиля Плосконосого. Позднее Хильдир Эйстейнссон решил доказать, что и язычник может жить в Киркью-бере, но как только он пересек границу заповедного места, на него обрушился Божий гнев и он замертво упал на землю.

Нам ничего неизвестно о хозяйстве этих монахов. Те пещеры, кельи, дома и коровники, которые прежде считались их имуществом, были построены (как это выяснилось в последнее время) в более поздние века. Ничего неизвестно и о том, преуспели ли эти монахи в выращивании каких-либо злаков, но вполне вероятно, что с Фарерских островов они привозили в Исландию домашний скот, чтобы обеспечить себя молоком и шерстью.

Разумеется, все они занимались ловлей рыбы, и их было очень мало – не более ста человек на всю территорию. Но сказав это немногое, мы фактически охватили все, что известно нам о жизни ирландских монахов на острове. Мы

так и не знаем, как завершилось это недолговременное христианское проникновение на Север. Были ли эти монахи отшельниками, или же название «Пап(п)и-ли» указывает на наличие целого монастыря? Постигла ли их всех одна и та же участь, и какой именно она была? «Позднее они ушли прочь *(Þeir fóru siðan á braut)*» – лаконичная, ничего не проясняющая эпитафия. И как они решились оставить на острове ценные книги, свою церковь, ручные колокола и прочее имущество? Либо их уход был внезапным, и они покинули остров так же, как и прибыли сюда: в тех же самых лодках, которые некогда доставили их в Исландию; либо же все эти предметы попали в руки норманнов после бегства ирландских поселенцев в глубины острова, изобилующего скалами, льдом и смертельно опасными потоками лавы. Но вряд ли у кого-то монахи и ирландцы ассоциируются с бегством от опасности. В любом случае дни этой маленькой общины, все члены которой дали обет целомудрия и воздержания, были изначально сочтены.

Лишь одним-единственным способом они и им подобные могли оказать влияние на историю Исландии. Ирландские монахи открыли Фарерские острова около 700 года н. э. и жили там примерно до 820 года. В это время на острова прибыл первый норманнский поселенец Грим Камбан, который, вероятно, вытеснил ирландцев из Судеро. С тех пор его прозвище связывают с ирландским «камм» – кривой или согнутый. Вопреки свидетельству Фарерской саги Грим Кам-

бан, скорее всего, прибыл туда не прямо из Норвегии, а добирался через Ирландию или Гебридские острова. Не исключено также, что и сам он был христианином. Приплывшие вслед за ним норманнские пираты очень быстро установили контроль над всеми островами. Но, несмотря на утверждение Дикуила, что с тех пор с Фарерских островов исчезли все отшельники, некоторые из них, видимо, оставались там еще какое-то время. И те знания, которыми они располагали, заставили многих задуматься об Исландии. Равным образом известия об исландских отшельниках должны были распространиться по территории Ирландии и Шотландии, Оркнейских и Шетландских островов, а также по самым отдаленным районам Гебридских островов. Так что норманнские иммигранты, торговцы, пираты и искатели приключений – все, кто известен нам под общим названием «викинги», – могли обрести все необходимые сведения о новой земле, чтобы отправиться на ее поиски в эту часть Северной Атлантики.

Норманнские открытия и первое поселение

Ирландские монахи покинули Исландию, когда пришли норманны, а норманны пришли около 860 года. Не стоит думать, что отшельники ушли сразу после открытия викингами острова. Лишь поднявшаяся спустя четырнадцать лет волна переселений заставила их покинуть свои пещеры на

юго-востоке страны, обрекая тем самым на забвение.

Нашим главным источником информации о норманнских первооткрывателях является «Ландднамабок» – «Книга поселений». Согласно одной из ее редакций («Стурлубок»), первым достиг побережья Исландии викинг Наддод. Согласно же другой редакции («Хауксбок»), это был швед по имени Гардар Свеварссон – и именно эта версия кажется нам более предпочтительной по трем причинам. Во-первых, в данном случае «Хауксбок» опирается непосредственно на текст оригинала; во-вторых, эти сведения подтверждаются двумя более ранними норманнскими источниками (на латинском языке) – анонимной «Историей Норвегии», созданной в неизвестное нам время, но опирающейся на текст 1170 года, а также «Историей о древних норвежских правителях» Теодрикуса Монаха, написанной приблизительно в 1180 году. Ту же информацию мы находим и в «Сказании о сожжении Ньяла».

В-третьих, эти сведения подтверждаются историей о том, что именно сына Гардара Уни, в силу присущих ему наследных прав, король Харальд Хорфагер намеревался использовать для подчинения Исландии Норвежскому королевству. Он был настоящим первооткрывателем, этот швед Гардар. Достигнув острова в районе Восточного Хорна, он поплыл дальше – мимо ледяных гор и бурных рек Ватнайокула, а затем вдоль длинного и унылого южного побережья, лишенного каких бы то ни было гаваней. Для моряка, плывуще-

го под парусом, эта местность выглядит малопривлекательной, поэтому Гардар держался в стороне от берегов, пока багровые клыки Вестманнейяра и плавный изгиб Ландейяра не привели его к полуострову Рейкьянес и далее – мимо Скаги (крайней северной оконечности полуострова), где перед Гардаром предстало огромное водное пространство Факсафлои, сияющего под солнцем и окаймленного цепью гор. А далее, на севере, высился идеальный конус Снэфеллсйокула. За Снэфелльснесом перед ним распахнулось новое водное пространство – Брейда-фьорд, с его бесчисленными островами, шхерами и рифами, возле которых вода пенилась белыми улиточьими следами. Следом за Брейдафьордом шел Вестфиртир, его мерцающие воды были подобны перепонкам между костистыми пальцами той искривленной руки, запястье которой оказалось в районе Лаксардала и Хаукадала. Затем Гардар миновал Исафьярдардьюп – Глубокий Ледяной фьорд – с семью глубокими трещинами, расколовшими его южный берег. Проплыл он и мимо Калдалона на самом севере фьорда – там, где к морю спешат ледяные потоки Дрангаёкуля.

На смену им пришла неприступная стена Снэфьялла-стрэнда, а за ней – полные неприятных сюрпризов заливы Йокулфиртира. Вслед за этим Гардар обогнул Хорн-бьярг (Северный мыс) и поплыл вдоль скалистого побережья на юг и еще немного на восток – в Хунафлои. Здесь ему должны были встретиться более плодородные и удобные земли – равни-

ны, убегающие в глубь страны, – но за ними поднимались все те же скалы и горные отроги, сверкавшие шапками льда. Гардару следовало бы попытаться пристать к берегу здесь либо по соседству – в Скагафьорде или Эйяфьорде и (поскольку лето уже подходило к концу) необходимо было на время покинуть корабль и соорудить себе на берегу надежное зимнее убежище. Но он решил испытать судьбу и обогнул еще один мыс. Так он приплыл в Скьяльфанди, где и выстроил себе дом в месте под названием Хусавик (Домашний залив) – на крутом отвесном берегу, возле неудобной гавани, полностью открытой вторжению полярных льдов. Когда же с наступлением весны Гардар уплыл прочь, ему пришлось оставить на берегу одного из членов своей команды, Наттфари, вместе с рабом и служанкой. Мы не знаем, как именно это произошло, но Гардару было необходимо покинуть это место при первом же удобном случае, что он в итоге и сделал. Конечно же Наттфари пережил эту изоляцию, поскольку позднее его имя появится в «Ландднамабок» – в списке обитателей Северного поселения.

Итак, Гардар плывет теперь на северо-восток, по направлению к Северному полярному кругу и к мысам Мельраккаслетты, а затем – через Тистильфьорд к узкому полуострову Ланганес, где ему пришлось дожидаться северного ветра, который и отнес его на юг, к Вапнафьорду. Вскоре после этого он вновь оказался в стране фьордов – на этот раз в Аустфиртире, где водные потоки проникают в самую глубь

территории, а горы не столь громадны, как на севере. Но чем дальше на юг от Беруфьорда, тем более устрашающей становится местность, поскольку теперь Гардар вернулся в район, откуда хорошо виден Ватнаёкуль. За Беруфьордом Гардару пришлось проплыть мимо территории, где жили ирландские монахи, и мы легко можем представить, с какой тревогой наблюдали отшельники Папея и Папафьорда за высокими мачтами его корабля, вновь возникшими перед их глазами, – печальным свидетельством того, что десятилетия их уединенной жизни канули в прошлое. К тому моменту, когда он оказался у Восточного Хорна, Гардар уже знал, что совершил плавание вокруг острова. Он назвал его в свою честь Гардарсхольм и позже, вернувшись на родину, с теплотой вспоминал о новом острове.

Вторым норманном, достигшим берегов Исландии, был викинг Наддод. Он не исследовал новую землю и не задержался надолго у ее берегов. Когда он отплывал от Рейдарфьорда, на суше началась настоящая снежная буря, и тогда Наддод дал острову имя Снэланд – Снежная страна.

Третий из прибывших, Флоки, гораздо более таинственная личность со всеми его жертвоприношениями и воронами. Очевидно, он заранее намеревался устроить на острове поселение, так как взял с собой домашний скот. Причалив у Хорна, Флоки последовал курсом Гардара на запад, мимо бурунов южного берега, затем пересек Факсафлои, названный им по имени одного из своих товарищей, и выстроил

жилище в Брьянслёке, на самом дальнем конце Брейдафьорда. С этого удобного места Флоки и его товарищи осмотрели свои владения: прекрасные пастбища на берегу, острова для летнего выпаса скота, фьорд, изобилующий рыбой и тюленями, и мириады морских птиц. Надежно укрытые цепью гор от холодных северных ветров, новоприбывшие, подобно многим из тех, кто пришел вслед за ними, были введены в заблуждение синим небом и сияющим летним солнцем. Большую часть времени они проводили собирая обильную рыбью «жатву» в водах фьорда, куда до них не заплывал ни один рыбак и где рыбам грозили лишь чайки, тупики да тюлени, охотящиеся на лосося. Нет никаких сомнений в том, что Флоки был еще совсем неопытным колонизатором. Внезапно на них обрушилась северная зима с ее снегами и морозами. Пастбища опустели, а все их животные в скором времени пали. Пришедшая на смену зиме весна оказалась холодной, и когда Флоки поднялся на один из северных холмов, его взору предстало безрадостное зрелище южного рукава Арнарфьорда, забитого дрейфующим льдом. Таким образом, к названиям Туле, Гардарсхольм, Снэланд добавилось еще одно – Исланд, Ледяная страна. Именно это имя и осталось навсегда за островом. Сезон холодов длился долго, в море они вышли поздно, а их основные мучения, хоть они о том ничего пока не знали, были еще впереди. Ветры, подувшие с юго-запада, не позволили им обогнуть Рейкьянес, и они вновь вернулись в Фак-сафлои, в район Боргарфьорда,

где им, вопреки желанию, пришлось провести еще одну зиму. Дома, в Норвегии, Флоки, давший острову столь неблагоприятное название, сделал все, чтобы закрепить его в сознании людей. Его спутник Герьольф, совершивший немыслимое плавание через Факсафлои на оторвавшейся буксирной лодке, считал это название вполне подходящим для новооткрытой земли. Тогда как Торольф, которого исландцам следовало бы выдумать, не существуй он на самом деле, клялся, что каждая травинка на острове истекала маслом, – за что и получил свое прозвище и с тех пор назывался не иначе как Торольф Масляный.

В историях о троих этих людях – Гардаре, Наддоде и Флоки – фактически любую ситуацию можно поставить под сомнение (особенно учитывая те несоответствия, которые мы находим при чтении различных версий «Ландднамабока»). Однако две вещи здесь являются безусловными: во-первых, то, что в течение примерно десяти лет, предшествовавших поселению в Исландии Ингольфа и Хьорлейфа, к берегам острова совершались различные исследовательские экспедиции. И во-вторых, эти экспедиции невозможно отделить от деятельности норманнов на западе – то есть на Британских и Фарерских островах. К тому же ряд описаний несчастных случаев, происходивших с моряками в этих экспедициях (корабли разбивались, сбивались с курса и тонули), соответствуют как лейтмотиву всей этой истории, так и реалиям жизни.

К концу 860-х годов слово «Исландия» должно было переходить из уст в уста по всей Норвегии. Видимо, оно звучало достаточно притягательно для слуха двух сводных братьев – Ингольфа и Лейфа, которые из-за кровной вражды с ярлом Атли из Гаулара, двоих сыновей которого они убили, потеряли значительную часть своего имения и теперь нуждались в убежище и новых землях. Они быстро организовали и хорошо подготовили разведывательную экспедицию, пристали к острову в обычном месте на юго-востоке, проплыли мимо Папея, а затем свернули в защищенные от бурь и штормов воды южного Альптафьорда, на берегах которого провели первую зиму, после чего вернулись в Норвегию, чтобы уладить все дела у себя на родине. Ингольф занялся подсчетом средств, которыми они все еще располагали и которые были необходимы им для приобретения всех тех вещей, без которых немыслимо организовать поселение. Лейф же отправился в последний набег на Ирландию. Вернулся он с мечом, от которого и получил свое прозвище Хьорлейф (Лейф Меч), а также с десятью пленными, от которых он позже и принял свою смерть. Но гадания Ингольфа ничего не сообщили ему о будущем (и – каждый на своем корабле – они отправились в путь. Как только Ингольф увидел землю, он, искренне почитающий своего бога, бросил за борт бревна, чтобы таким образом узнать, куда ведет его божественная воля. Бревна поплыли на запад, туда же, куда направился Хьорлейф с его командой, но Ингольф причалил свой ко-

рабль у Ингольвсхофди и там, неподалеку от мыса, провел свою первую зиму. Этот мыс настолько выделяется на всем побережье ввиду своего необычайного положения (в том месте, где плавная береговая линия, идущая от Хорна на юго-запад, резко сворачивает прямо на запад), что по этой причине, а также из-за большого временного разрыва между нашей и той эпохами легко поверить в то, что древние развалины на восточной стороне этого мыса – остатки дома Ингольфа. Но это, конечно, маловероятно. Скорее все указывает на то, что такой опытный и предусмотрительный человек, каким был Ингольф, предпочел бы поселиться немного дальше – в Орэфи, где и поныне, после целого ряда природных катаклизмов, немало плодородных лугов и долин, расположенных прямо между вулканическими пиками.

На другом таком же мысе, но в 60 милях к западу, выстроил свой дом Хьорлейф. Хьорлейвсхофди и сегодня возвышается на том краю черных Мирдальских Песков, что обращен к морю. Он был сильно разрушен в 894 году девятью потоками льда и воды, обрушившимися на него во время извержений вулкана Катлы с его ледяной шапкой. Но когда его увидели первые поселенцы, он должен был показаться им безопасным и надежным убежищем, окруженным многочисленными пастбищами и березовыми рощами. Хьорлейф намеревался строиться основательно и расчищал почву под пашню. Но его ирландским пленникам – воинственным мужчинам, пылающим скрытой ненавистью к покорителям – нор-

маннам, – пришлась не по вкусу эта черная работа, и они измыслили историю о лесном медведе, чтобы убить своих хозяев[4]. Затем они уплыли прочь, захватив с собой женщин и движимое имущество, и обосновались на тех островках, которые заметили с вершины мыса, – примерно в 50 милях на юго-западе от Исландии. Здесь они и жили, наслаждаясь вновь обретенной свободой, пока их не покарал Ингольф. Тень этой смерти еще долго витала над Вестманнейяром – островами ирландцев. И если поселение нуждалось в освящении жертвоприношением, то оно получило его: на территории Исландии пролилась первая кровь.

Ингольф же так и не нашел пока сброшенные им с корабля бревна. Он провел вторую зиму возле своего погибшего брата, а затем двинулся на запад, исследуя морской берег и территорию вдоль реки Олфус. Но за Олфусом начались обширные лавовые поля, грязевые источники и пустынные края, так что Ингольф, будучи человеком практичным, свернул со своим отрядом в глубь страны и устроился на зимовку.

В это же время два его раба, Вифиль и Карли, двинулись в обход Рейкьянеса – на запад, затем на север, а затем на восток, пока наконец – по божьему ли соизволению или благодаря счастливому случаю – не нашли в том месте, где ныне стоит Рейкьявик, бревна со своего корабля. Так что с наступ-

---

[4] Хьорлейф не знал, что единственные медведи, встречающиеся в Исландии (как правило, на северном побережье), – это белые медведи, добирающиеся сюда вместе с плавучими льдами из Гренландии.

лением весны Ингольф предпринял свое третье путешествие на запад и, должно быть, не без подозрительности осмотрел испещренные кратерами, покрытые лавой и засыпанные золой окрестности Рейкьявика. Припомнив же, подобно Карли, те 150 миль плодородной земли, мимо которой они проплыли по пути сюда, мы можем лишь посочувствовать его недоверчивому восклицанию: «Мы оставили за собой хорошую землю и приплыли сюда, чтобы поселиться в этом богом проклятом месте!» – ведь территория, лежащая за Хеллисхейди и Серными горами, более всего напоминает безжизненные лунные пейзажи.

Но Тор не обманул своего почитателя. Он привел его на запад – к самому истоку исландской истории, ее законов и конституции, и одарил его имением столь же обширным, как и родное королевство. Именно с Ингольфа, обосновавшегося возле Рейкьявика, и началось успешное заселение Исландии.

Становление Исландской Республики

Процесс заселения Исландии, начатый Ингольфом на юго-западе острова, завершился спустя шестьдесят лет. Сюда все еще будут прибывать другие мореходы, и среди них такие прославленные, как Эйрик Рыжий и Кетиль Гуфа. Еще будут создаваться и перестраиваться обширные поместья, а такие великие резиденции, как те, что возникли потом в

Хельгафелле, Хьярдархольте и Рейкхольте, еще только должны были быть построены по приказу вождей. Но уже к 930 году вся пригодная для жизни земля была распределена. Безжизненные пески, огромные пространства, залитые лавой, пустыни и морены так навсегда и останутся незанятыми. Огромные горы и вулканические пики оставят в пользование троллям и великанам. Из простых смертных одни лишь изгои, поставленные вне закона и обреченные на смерть, будут скитаться в подобных местах, укрываясь от наказания и погибая в результате ужасной смертью. Около пяти шестых территории острова было совершенно непригодно для заселения. Но везде, где росла трава и можно было найти растения и ягоды, обязательно располагалась чья-нибудь ферма. На всем морском побережье, иссеченном фьордами и расцвеченном пятнами долин, уходящих в глубь острова, – везде были пастбища и березовые рощи. И повсюду, где можно было найти пресную воду, укрытие от снега и холодных северных ветров, небольшую бухточку, удобную для кораблей, или тропинку, по которой мог пройти небольшой, изящный и выносливый исландский пони[5], первые поселенцы возводили свои дома. Немалое значение уделялось и красоте, а также оригинальности места, что получило отражение во многих исландских наименованиях: Дягилевый склон, Дым-

[5] О лошадях в Исландии можно было бы сложить отдельную сагу. Более двух третей исландских могил викингов содержат останки лошадей, захороненных вместе со своими хозяевами. Могила в Силастадире содержит два лошадиных скелета, расположенные в отдельной камере.

ный залив, пролив Чистых вод, Стеклянная река, Красные дюны и Священная гора. Некоторым жителям ветерок, обдувающий эти земли, казался приятнее морского, другие вдыхали сладкий запах трав, а третьим Бог сказал: «Покинь это место и иди туда». Следует отметить, что с самого начала заселения острова было проявлено немало хорошего вкуса и воображения.

Формирующаяся нация оказалась на редкость удачливой в своих первых, основополагающих династиях. Они были честолюбивы, независимы, энергичны. Их поведение и характер заслуживали самой высокой оценки, а доминирующие норманнские наклонности заметно смягчались наличием во многих родах кельтской крови. Литературные и исторические памятники несколько преуменьшают роль шведов и датчан в заселении Исландии, тогда как раскопки погребений указывают на обратное: особенно это касается специфической оковки ножен (что может указывать на влияние шведов) и отсутствия какого бы то ни было свидетельства о кремации (что можно объяснить датским влиянием). В любом случае следует предположить, что среди первых поселенцев Исландии было куда больше шведов и датчан, добиравшихся на остров через юго-запад Норвегии, чем о том свидетельствуют письменные источники. И все же главной прародительницей Исландии была Норвегия, и прежде всего – ее юго-западная часть: Согн, Хордаланд и Рогаланд, хотя в Исландию прибывали эмигранты со всего побережья меж-

ду Агдиром и южным Халогаландом. С запада Норвегии Исландия принимала не только людей, но также законы и язык. И из всех районов Скандинавии именно к Согну и Хордаланду позднейшие поколения исландцев чувствовали наиболее сильную душевную привязанность. Стоит также отметить, что именно эта область активнее всего противостояла попыткам Харальда Хорфагера объединить всю Норвегию. И как раз из портов, расположенных между Хафрсфьордом и Сонсьо викинги впервые отплыли на запад – к Шотландии, Оркнейским и Фарерским островам, к Ирландии, а со временем и к Исландии.

В «Ландномабоке» приводится список имен приблизительно 400 поселенцев-мужчин, и примерно седьмая часть их была так или иначе связана с кельтскими странами. Эффективные действия викингов в этих странах датируются с последнего десятилетия VIII столетия. Именно в три судьбоносных года – 793–795 – норманнские флибустьеры не только разграбили Линдис-фарн в Нортумберленде и часть южного Уэльса, но и проникли на остров Ламбей к северу от Дублина, а также на священный остров Ионы.

После 830 года Ирландия, Шотландия и близлежащие острова перешли в руки завоевателей, и многие амбициозные норвежские лидеры пытались устроить временные поместья на территории этих разграбленных и опустошенных королевств. Среди них были Тургейс и Олаф Белые, Ивар Бескостный и Онунд Трифут, Кетиль Флэтноус, Эйвинд Истмен

и Торстейн Рыжий. О преобладании выходцев с юго-запада Норвегии можно судить и по языковым свидетельствам: норманнские заимствования пришли в ирландский язык IX века именно из этой области. Финнгейл и Гол-Гейдхил – светловолосые иностранцы (норвежцы) и гэлы (поначалу – ирландцы, отрекшиеся от своей веры и нации, затем – потомки норманнов и ирландцев из самой Ирландии и Шотландии) – обживали новые территории, сражались, создавали и разрушали союзы, приказывали, подчинялись, женились и расселялись по всем кельтским землям, время от времени покидая свои дома под давлением новых викингов, бунтовщиков и недовольных, искателей приключений и знатных лордов, жаждущих обрести новые земли взамен тех, которые были отняты у них королем Харальдом дома, в Норвегии.

Последняя треть столетия оказалась менее благоприятной для норманнских викингов не только в Ирландии, но и в Англии и прочих странах западного христианского мира. Победа, которую Харальд Хорфагер одержал над викингами у Хафрсфьорда в 885 году, стала началом неудач норманнских завоеваний и за границей. В 890 году серьезное поражение армии викингов, в то время грабившей территории Западной империи, нанесли войска бретонцев, и через год они вновь потерпели поражение, вступив в битву с королем Арнульфом неподалеку от Лувена. Войска Хастейна и Великая орда продвигались в то время к Англии, но за четыре года были так измотаны Альфредом и его воинственным сыном, что

вся их армия распалась на отдельные отряды. В Ирландии инициатива вновь перешла в руки здешних королей, а захват Дублина в 902 году Сирбхоллом, королем Линстера, дал стране относительную передышку на последующие двадцать лет. Торстейн Рыжий был вероломно убит в Шотландии около 900 года, а ярл Сигурд Оркнейский, в то время правитель Кейтнеса и Сазерленда, Росса и Морея, не избежал предсказанной ему участи и был убит мертвецом. Рассказывают, что ранее Сигурд убил шотландского ярла Мельбригди и повесил его голову возле своего седла. Но у Мельбригди был выступающий зуб, или клык, и этот зуб проколол кожу на ноге Сигурда. Ранка загноилась, ярл заболел и умер.

Примерно в то же время Онунд Трифут был вынужден покинуть Гебридские острова. Ингимунд, который надеялся после потери в 902 году Дублина обрести новые земли и богатства в Уэльсе, был очень быстро изгнан из Англии. Одо и Арнульф, Альфред и Эдуард, леди Эзельфледа и Сирбхолл, король Линстера, а также валлийцы из Северного Уэльса и Англии – все они, сами того не подозревая, внесли свой вклад в дело заселения Исландии, которая уже давно поджидала любящих риск, но лишенных земли смельчаков. А в Норвегии в то время правил человек, по-своему помогавший освоению новой земли, – король Харальд Хорфагер.

Исландские средневековые историки единогласно указывали на основную причину, по которой люди начали заселять Исландию. Это произошло, писали они, *fyrir ofríki Haralds*

konungs – из-за тирании короля Харальда. Именно он вынудил Торольфа Мострарскегга отправиться из Моста в Торснес, а Квельдульфа и Скаллагрима из Фиртафилки в Боргарфьорд. Именно он стал причиной того, что Бауг переселился в Глидаренди, а Гейрмунд Хельярскин сменил княжеское владение в Хордаланде на поместье лорда в северо-западной Исландии. Некоторые из переселенцев противились попыткам Харальда объединить (или, как говорили они сами, захватить) всю Норвегию, другие сражались с ним у Хафрсфьорда, где и потерпели самое сокрушительное поражение; третьи просто держались в стороне от этих сражений, чем и навлекли на себя королевскую немилость. Всех их возмущала потеря титулов, и они не видели причин, по которым они должны были управлять своими поместьями лишь с соизволения короля. Налоги рассматривались как грабеж, а присяга на верность – как умаление достоинства свободного человека. Некоторые предпочли уехать сами, другие покинули страну под давлением:

«Как только он упрочил свою власть над территориями, которые лишь недавно перешли в его собственность, король Харальд обратил самое пристальное внимание на местных жителей и богатых хуторян; и за всеми, кто подозревался в принадлежности к мятежникам, был установлен самый строгий надзор. Каждого он вынудил сделать либо одно, либо другое: стать его вассалом или покинуть страну, или же, в

случае отказа от того и другого, заставил претерпеть тяжелые испытания и даже лишиться жизни. Некоторым отрубили кисти рук или ступни. Король Харальд присвоил себе все те права, которые прежде были неотделимы от прав прямых собственников и передавались лишь по наследству.

Он также присвоил себе право владения всей землей – заселенной и незаселенной, а равным образом над морем и другими водами. А все фермеры должны были стать его арендаторами, равно как и те, кто работал в лесах, и те, кто добывал соль. Все охотники и рыбаки на суше и на море – все они теперь должны были подчиняться ему. Но многие люди покинули страну, спасаясь от подобного рабства, и именно тогда были заселены прежде пустынные места – как на востоке, в Йамтлан-де и Хельсингьяланде, так и в западных краях – Гебридские острова и округ Дублина в Ирландии, Нормандия во Франции, Кейтнес в Шотландии, Оркнейские, Шетландские и Фарерские острова. И именно тогда была открыта Исландия».

Эта картина репрессивных мер, предпринятых королем Харальдом, а также его личная жестокость, представленная Снорри Стурлусоном в «Сказании об Эгиле», явно преувеличена, но именно этой версии придерживалось большинство осведомленных лиц в Исландии. В норвежской исторической традиции король Харальд изображается мудрым и заботливым правителем, давшим Норвегии мир и порядок, в

которых она так остро нуждалась. Но для небольших национальных групп, отстаивавших свою независимость, ужасный тиран – эмоциональная необходимость, а несправедливый, безжалостный Харальд казался самым подходящим на эту роль из всех норвежских правителей. Нет никакого сомнения, что некоторые вожди покинули Норвегию именно из-за него. Непреложным является тот факт, что число их было сильно преувеличено, а обстоятельства ухода – драматизированы.

Среди таких иммигрантов были и те викинги, чьи жилища весьма оживляли собой юго-западное побережье Норвегии. Для этих людей было привычным совершать бесконечные военные походы, приносившие им богатство и славу. К этому их подталкивали личные устремления, семейные традиции, социальная и экономическая система, а также географические условия, сделавшие морские пути главным средством передвижения береговой аристократии. В столетие, предшествовавшее битве при Хафрсфьорде, они совершали набеги на восток – в район Балтики, и на запад – к Британским островам, а также плавали по рекам и каналам Норвегии, в то время поделенной на мелкие королевства и поместья лордов, ревниво отстаивавших свою независимость. Викинги Согна и Хордаланда были хорошо подготовлены и для путешествий за границу и для захвата южных путей, по которым шла торговля кожами и мехами с Халогаландом и Финнмарком. Сильному правителю, вроде Харальда Хорфагера

или ярла Хакона, необходимо было добиться их полного подчинения. Многие викинги не были исключительно пиратами. Они ни в коей мере не пренебрегали выгодами торговли, а их бесконечные морские путешествия помогли открыть много новых путей и значительно расширили норманнские горизонты. Что же касается завоевательных походов и пиратства на море, то они были порождены прежде всего их новыми потребностями. Купцы, которые впервые привезли в Норвегию вино, мед, солод, пшеницу, английскую одежду и западное оружие, пробудили у себя дома большую потребность в этих вещах. К тому же все обитатели фьордов с юго-западного побережья особенно остро ощущали прирост населения Норвегии и связанную с этим нехватку земель. Так что их отток из Норвегии, непосредственно в кельтские страны и Исландию или же в Исландию через земли кельтов, являлся совершенно неизбежным и представлял собой всего лишь одну из фаз общего переселения викингов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.